

Глава 2. Чэн Сяоцзя (часть 2)

Сколько Чэн Сяоцзя ни старался, Лу Юньпин оставался невозмутим — лежал неподвижно, словно каменная глыба. Сдавшись, Сяоцзя капризно надул губы:

— Ты что, решил меня в могилу свести?

Лу Юньпин негромко рассмеялся и, улучив момент, опрокинул парня на постель. Сяоцзя тут же обвил его шею руками. Юньпин был намного старше — их разделяла целая пропасть, и дело было не только в возрасте. Чаще всего Лу говорил о вещах, которые Сяоцзя не понимал, но жадно впитывал; сам же болтал о пустяках, которые Юньпину были совершенно неинтересны. Он знал это, но видел, что Лу готов слушать: затаится сигаретой и в клубах сизого дыма уносится мыслями куда-то далеко. Это не обижало. Ему нравились эти отношения «хозяина и питомца». Речь не шла об отсутствии гордости — просто перед лицом обожания, которым его окружал Лу Юньпин, любая гордость казалась никчёмной шелухой.

Он упивался властью Лу, его вечной рассеянностью и даже дежурными отговорками. Сяоцзя из кожи вон лез, придумывая всё новые способы удержать этого мужчину рядом с собой. Но надолго ли его хватит? И кем он на самом деле был для Юньпина? Он не спрашивал — не от страха, а потому что не хотел знать ответ. Какой в этом смысл, если сейчас, в это самое мгновение, они делят одну постель?

Лу Юньпин сжал пушистый лисий хвост и слегка потянул.

— М-м... полегче... больно же...

— Больно, а всё равно нацепил. У кого научился?

Юньпин аккуратно вытянул игрушку и обнаружил, что к хвосту крепится длинная нитка бус. Когда они вышли, всё уже было влажным. Сяоцзя спрятал лицо в подушку и глухо пробормотал:

— Тебе что, не нравится?

— Похоже, это тебе больше нравится.

Сяоцзя нравилось, как Лу Юньпин «завоевывал» его, захватывая территорию сантиметр за сантиметром. Наслаждение от собственного бессилия перед ним затапливало разум. Он невольно выдохнул, судорожно сжав пальцы ног — пожалуй, только в таком возрасте радость бывает столь острой и беспримесной. Сяоцзя гордился своим телом. Раньше он не слишком-то умел угождать партнёрам, но любовь оказалась сильнее характера. Лу Юньпин стал его исключением — ради него он был готов на любые унижения, и в этом он находил своё счастье.

Время от времени Юньпин одаривал его поцелуем — словно наградой. В этих делах он был старым волком, и хотя паренёк чертовски старался быть соблазнительным, Лу не терял головы. Сяоцзя был для него изысканным десертом: дорогим, свежим, приготовленным из лучших ингредиентов. Один кусочек — и дофамин заливаает мозг до паралича. Но десертом не наешься. Когда Лу Юньпина настигал настоящий голод — тот самый, что грызёт изнутри, будь то физический или душевный, — он вспоминал лишь об одном человеке. Жаль только... жаль, что об этом человеке оставалось только вспоминать.

Когда всё закончилось, обессиленный Сяоцзя мягко прильнул к груди мужчины. Почувствовав запах табака, он поднял голову и потянулся к сигарете, чтобы сделать затяжку, но тут же получил звонкий шлепок по голой спине.

— Детям курить нельзя. Живо в душ.

Сяоцзя обиженно куснул его за кубики пресса.

— Значит, курить детям нельзя, а вытворять со мной такое — можно?

Юньпин отстранил его:

— Иди мойся и спать. Поздно уже.

Лу Юньпин был хорошим мужчиной, но ласки в нём не хватало. Сяоцзя знал: Лу не любит «эту часть» — он никогда не помогал ему приводить себя в порядок после секса. Впрочем, он не жаловался, а его редкие капризы никогда не переходили черту. Возможно, именно поэтому Лу всё ещё оставался с ним. Он не был дураком и понимал, что он у Юньпина не единственный. Но ему хотелось верить, что он — особенный. Как рис, лапша или пампушки — то, что едят каждый день, основа рациона. А все остальные — лишь закуски, которые можно менять хоть до бесконечности.

Когда Сяоцзя вышел из ванной, Лу Юньпин смотрел вечерние новости. Парень забрался на кровать и прижался к его боку.

— На Рождество в академии будет праздничный концерт. Ты сможешь прийти?

Юньпин погладил его по спине, словно кота с гладкой шерсткой.

— Где ты купил те штуковины?

Сяоцзя на мгновение замялся, сообразив, что речь об ушках и хвосте.

— Друг подарил, — улыбнулся он.

— Что это за друг, который дарит такие подарки?

Сяоцзя опасливо взглянул на Лу. Тот выглядел спокойным, не отрывая глаз от экрана.

— Ну, просто хороший друг, подарок на Рождество... А что такого? Так ты придёшь на выступление?

Юньпин опустил на него взгляд. Сяоцзя в своей академии был нарасхват — в таких творческих вузах, как консерватория, геев было пруд пруди. Лу догадывался, что за парнем кто-то ухлёстывает, и этот «даритель» явно преследовал свои цели. Раз Сяоцзя решил не развивать тему, Лу не стал говорить гадостей. Помолчав, он произнёс:

— Ты уже не маленький. Я не лезу в то, с кем ты общаешься, но, надеюсь, ты сам понимаешь, где проходит черта.

— Я понимаю.

Довольный тем, что Сяоцзя не стал спорить и оправдываться, Лу закурил следующую сигарету. По телевизору как раз передавали экстренные новости: обрушение на стройплощадке в южном пригороде Сицзина. Место происшествия уже оцепили, за спиной перепачканного грязью репортёра в кадре то и дело вспыхивали огни скорой помощи.

Сяоцзя не обратил на это внимания. Когда Юньпина не было дома, он вообще не включал телевизор — новости его не трогали.

— Постарайся прийти на рождественский концерт, ладно? В этот раз академия придаёт ему большое значение...

Договорить он не успел. Лу Юньпин резко выпрямился. Он впился взглядом в экран и замер на несколько секунд, а затем, совершенно нагой, вскочил с кровати и бросился к карману пиджака за телефоном. Сяоцзя, ничего не понимая, обернулся к телевизору, но там уже крутили рекламу. Юньпин набрал номер, подошёл к окну, и трубку почти сразу сняли.

— Да, я видел новости. Поезжай, проверь всё. Жду звонка.

Собеседник что-то ответил. Лу коротко бросал «угу», одновременно пытаясь натянуть одежду. Парень соскочил с постели, подал ему бельё, помог застегнуть рубашку и пиджак. В разговоре промелькнуло имя Ли Хуэя. Юньпин явно торопился: он отстранил руку Сяоцзя, который пытался повязать ему галстук, сбросил вызов и, сжимая шёлковую полоску в кулаке, направился к выходу.

Сяоцзя так и остался стоять в чём мать родила, провожая его. Лу уже открывал дверь в гараж.

— Ну... на концерт-то... постарайся...

Юньпин обернулся на пороге:

— Иди в дом, простудишься. Ложись спать, я позвоню.

Сяоцзя хотел было подбежать и поцеловать его на прощание, но Лу Юньпин уже скрылся за дверью.

Парень постоял в тишине, прислушиваясь к звуку удаляющегося автомобиля. Стало зябко. Он подошёл к батарее и коснулся её рукой — металл был горячим. Сяоцзя опустился на пол, прижавшись спиной к радиатору.

Неужели что-то случилось с Ли Хуэем?

<http://bllate.org/book/17478/1691994>